

ВСТРЕЧА ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Российская газета. — 1992 — 12 июня.

КОЛЮЧИЕ РОЗЫ МАШИ РАСПУТИНОЙ

«Мне иногда страшно от мысли, какие люди могут прийти на смену моему поколению. Ведь даже в нас, чье детство пришлось на шестидесятые годы, проклятая система вытравивала много хорошего, сделав нас злыми, неискренними, завистливыми... Мы, как волчата, между собой. А ведь надо быть человеком. Радоваться земле, солнцу, цветам, деревьям...»
В крохотной студии поздним вечером знаменитая, но столь неожиданно грустная Маша Распутина записывала второй свой диск. Он называется «Я родилась в Сибири».

А ЕСЛИ точнее, то в деревне с коротким названием — Уроп. Она не любит рассказывать о своей жизни, считая, что артист должен оставаться загадкой. «Иначе, — говорит, — он станет неинтересен зрителю». И все же, когда я узнала некоторые подробности, то, например, что Маша рано потеряла мать, поняла, откуда в ней упорство и сила, доходящие порой до жестокости. Познакомившись ближе, я поняла, что каждая ее песня — это исповедь моей современницы и, не побоюсь высокопарности, соотечественницы.

— Многие пытаются увидеть во мне какую-то двойственность, — говорит Маша. — В жизни — одна, на сцене — другая. Но я — это одно единое. И поэтому все, что во мне заложено, все это проявляется на сцене. Я ведь тоже живой человек. У меня есть свои плюсы и свои минусы. Я бываю подчас не по-

женски жесткой. Но душа у меня всегда болит. Нет, не за то, чтобы куда-то попасть, спеть или покрасоваться. Душа болит за то, что с нами происходит... Например, я не знаю, что будет дальше с моим ребенком.

— Но вы бы хотели, чтобы дочь повторила ваш путь?

— Не знаю. Не знаю, что из нее будет. Хотя уже сейчас вижу, что она способная девочка. Многие в ней заложено. Но иногда кажется, будто мы говорим с нею на разных языках. Это, видимо, оттого, что у меня на дочь времени не хватает. Приходится оставлять ее с родными и знакомыми. Я, конечно, очень переживаю, но...

А что с ней будет? Мне бы очень хотелось, чтобы она была крепкой. Потому что будущее представляется мне ужасным. Пусть она занимается спортом и физически будет здоровым человеком. А искусство?.. На Западе «звез-

ды» не выматываются так, как мы. Мы же от своей нищеты вынуждены постоянно «крутиться». Ведь нам никто не помогает. Реклама, плакаты, студия, клипы — все делаем сами. А кто считает наши расходы? У меня в коллективе двадцать человек. И все они должны иметь зарплату, достойную нашей жизни.

— В одном из интервью вы сказали, что прошли хорошую школу — школу кабака.

— Это была превосходная школа! Не удивляйтесь: Раймонд Паулс однажды сказал, что самые лучшие певцы и музыканты работают у нас в ресторанах.

Я работала в варьете. Пела не свои песни, а нашу и зарубежную «фирму». Очень любила Рода Стюарта. Именно у него я научилась петь на расщеплении связок. Это технически сложный вокальный прием. Но школа ресторана хороша только для человека, который собой что-то представляет.

— Маша, у вас много друзей?

— Смотря каких. Настоящих мало. В основном мои друзья те, с кем я работаю.

— А работать с Машей Распутиной тяжело?

— Я человек очень требовательный. И к себе, и к тем, с кем я работаю. Для меня мой вокал, мои голосовые связки — это средство для раскрытия души, моей сущности, моих внутренних эмоций. Иногда бывает такое настроение, что и жить не хочется. Спасает только работа.

Если честно, то я живу новыми песнями. Они вдохновляют меня к новой жизни, к новому дню. И я не могу врать самой себе. Если какая-то строчка мне не понравится, хотя она будет очень красивой, очень литературной, но не моей, я ее петь не буду. Вспомните, как пели Вернес, Шульженко, Кристалинская. Они же душу свою несли.

— Говорят, вы любите желтый цвет?

— Если честно, люблю рыжий — цвет солнца. И еще очень люблю черные розы.

ДО ПОСЛЕДНЕГО времени Маша Распутина вместе со своей семьей жила в крошечной квартирке рядом с Измайловским парком. Именно сюда звонили не только

по межгороду, но и по международному телефону. Звучали предложения не только о гастролях, но и о вполне реально осуществимых возможностях поменять место жительства. Например, на Израиль. Но опять на первый план выходит ее величество Душа. Русская душа.

Она там петь не сможет. Друзья говорят: «Даже от гастролей за рубеж отказываемся, у себя еще не все обьездили».

И еще о Душе. Вернее, о том, кто помогает ее выпустить. Для Распутиной таким человеком стал поэт Леонид Дербенев — первый из пе-

сенников, написавший для Маши «ее» песни.

Распутина — самородок. И это бесспорно. Ее вокальные возможности огромны и, к счастью, еще не полностью реализованы.

О том же, что будет с ней лет через десять, Маша говорить не хочет. Называет себя человеком, не придерживающимся «всяких там идей и принципов»... Никогда не позволит себе такой роскоши, как витать в облаках. А это — свойство людей, жизнью не избалованных. Хоть внешне — блеск!

Маргарита
ЗИАНГИРОВА.

Москва.